

Изысканная проза.

Филип Пулман

Один из тех редчайших случаев, когда продолжение («Лонг-Айленд») ничуть не хуже исходного романа («Бруклин»).

National Public Radio

Колм Тойбин — самый одаренный в своем поколении автор, живописующий противоречивую и прихотливую силу любви.

Los Angeles Times

Героиня «Бруклина» (а теперь и «Лонг-Айленда») — одна из самых незабываемых персонажей современной литературы.

Pittsburgh Post-Gazette

В «Бруклине» и «Лонг-Айленде» порядочность и узнаваемость персонажей соседствуют с глубокими эмоциональными порывами, толкающими героев к разрушению порядка. Столкновение между ними, которое так долго откладывалось, невероятно драматично и трогает до слез. Возможно, мы запомним этого прекрасного писателя именно благодаря этим замечательным романам.

Wall Street Journal

При желании насладиться красотами «Лонг-Айленда» вполне можно и в отрыве от «Бруклина». Это мастерски написанный роман, полный тоски и сожалений. История

о воссоединении влюбленных, компромиссах и решениях, принимаемых на закате жизни, — так не хотелось, чтобы она заканчивалась.

Дуглас Стюарт
(автор романа — лауреата Букеровской премии
«Шаги Бейн»)

Это разрывает душу, заставляет задуматься, блестящие диалоги... Тойбин в своем лучшем проявлении.

The Times

Тойбин — непревзойденный картограф внутреннего мира, со сдержанной пронизательностью (и восхитительно лукавым юмором) излагающий мысли, для выражения которых у его героев не хватает слов. «Лонг-Айленд» — произведение автора, находящегося на пике формы, история жизни обычных людей, каждый из которых говорит на миллион голосов. Это читается как мастер-класс по всему, в чем силен Тойбин. В этой тонкой, умной и трогательной книге много недомолвок, и читателю придется потрудиться, однако он будет с лихвой вознагражден.

Guardian

Невероятно увлекательно, тщательно продумано и превосходно написано. Вы попадетесь на крючок с самой первой страницы.

Irish Examiner

Мало найдется авторов, столь чутких к человеческим переживаниям... глубокий, печальный роман, по напряженности способный соперничать с захватывающим триллером... более чем достойное продолжение.

Inews

Сначала в «Бруклине», а теперь и в «Лонг-Айленде» Тойбин провел увлекательный мастер-класс по извлечению максимального эффекта из минимума текста, используя самый простой и ясный сюжет. Его дарования истине удивительны.

Independent

Можно ли создать из череды блестящих эпизодов великий роман? «Лонг-Айленд» больше чем череда эпизодов, а порой они так точно подогнаны, а проза так отшлифована, что роман кажется готовым сценарием.

Саймон Шама (Financial Times)

Тойбин — истинный мастер, и повседневную абсурдность ирландской жизни он подмечает так, что не оторваться.

Mail on Sunday

«Лонг-Айленд» звенит энергией непрожитых жизней, подавленных чувств, он невероятно эмоционально заряжен. Персонажи могут порой вас бесить, но от тихого смирения, пронизывающего всю книгу, перехватывает дыхание.

York Press

«Лонг-Айленд» написан в строгом, отточенном стиле, которым славится Тойбин. Несмотря на все его сомнения относительно продолжений как таковых, писатель, очевидно находящийся на пике формы, создал продолжение всем на зависть.

Sunday Independent

«Лонг-Айленд» по праву закрепил за Тойбином место одного из лучших романистов всего мира, не только Ирландии, место проницательного и изощренного летописца человеческого сердца со всеми его слабостями.

Business Post

Колм Тойбин, умелый рыбак, вылавливает эмоции, обитающие на глубине. Его персонажи и сюжеты бесконечно разнообразны. В «Бруклине» и «Лонг-Айленде» он тихо, скромно показывает, как умеют самоутверждаться города, как они окутывают пришельцев и заявляют на них права.

New York Times

Отличительные черты воздушной прозы Тойбина — спокойствие, точность, сокровенность...

i

Мистер Тойбин умеет писать очень лаконично, и передавать состояние тишины и покоя удается ему не хуже, чем диалоги и сюжет. Его стиль захватывает не сразу, а прозрения воздействуют тем мощнее, чем жестче наложенные ограничения...

Wall Street Journal

Стильные, элегантные истории Тойбина, тихие на поверхности и бурлящие в глубине, поистине актуальны — не зря список его международных наград неуклонно растет.

Los Angeles Times

— Этот ирландец приходил снова, — сказала Франческа, усаживаясь за кухонный стол. — Обошел все наши дома, но искал именно тебя. Я сказала, что ты скоро вернешься.

— Что ему нужно? — спросила Эйлиш.

— Я пыталась выпросить, но он был как камень. Называл тебя по имени.

— Он знает мое имя?

Франческа хитро улыбнулась. Эйлиш знала ум и лукавое чувство юмора свекрови.

— Только еще одного мужчины мне не хватало, — сказала Эйлиш.

— Кому ты это рассказываешь? — отозвалась Франческа.

Они рассмеялись, и свекровь встала, собираясь уходить. Эйлиш смотрела, как она осторожно шагает по влажной траве к своему дому. Скоро Ларри придет из школы, Розелла — с дополнительных занятий, а потом она услышит, как Тони паркует машину.

Самое время выкурить сигарету. Обнаружив, что Ларри покуривает, она заключила с ним сделку, что, если сын бросит, она обещает тоже

не курить. Впрочем, наверху оставалась еще одна пачка. Когда в дверь позвонили, Эйлиш лениво встала, решив, что это кто-нибудь из кузенов Ларри зовет его поиграть на улице.

Сквозь матовое стекло маячил силуэт взрослого мужчины. Пока он не назвал ее по имени, Эйлиш и думать забыла про незнакомца, о котором говорила Франческа. Она открыла дверь.

— Вы Эйлиш Фиорелло?

Акцент был ирландский, графство Донегол, как у ее школьного учителя. Это, а еще его повадка — всем своим видом он словно бросал вызов — напомнили Эйлиш о доме.

— Да.

— Я искал вас.

Тон был почти агрессивным. Не задолжал ли ему Тони по работе?

— Я вас слушаю.

— Вы жена сантехника?

Вопрос прозвучал грубо, и Эйлиш решила не отвечать.

— А он хорош в своем деле, ваш муж. Пользуется спросом.

Он умолк и обернулся, словно проверял, что никто не подслушивает.

— Он починял кое-что в нашем доме, — продолжил мужчина, наставив на нее палец. — Сделал даже больше, чем прописано в смете. Захаживал регулярно, когда знал, что хозяйка дома одна. Так вот, ваш муженек настолько хорош, что в августе у моей жены родится ребенок.

Часть первая

Он отступил и широко улыбнулся, заметив недоверчивую гримасу у нее на лице.

— Зря вы сомневаетесь. Поэтому я сюда и пришел. Уверяю вас, не я его отец. Я не имею к этому ребенку никакого отношения. Я женат на женщине, которая скоро его родит, но если кто-то воображает, будто я собираюсь воспитывать выродка итальянского сантехника вместе с собственными детьми, которые появились на свет законным образом, то он сильно ошибается.

Он снова ткнул в нее пальцем.

— Как только ублюдок родится, я принесу его сюда. А если вас не будет дома, отдам той, другой женщине. И даже если во всех домах, которыми владеет ваше семейство, мне не откроют, я оставлю ребенка на вашем пороге.

Мужчина шагнул к ней и понизил голос.

— И передайте вашему мужу, что если я увижу его поблизости, то угощу моим железным прутом, который у меня всегда под рукой. Я выразился достаточно ясно?

Чтобы не думать о его словах, Эйлиш хотела было спросить, из какого графства он родом, но мужчина уже отвернулся. Она лихорадочно пыталась придумать что-нибудь, что вызовет его интерес.

— Я понятно выразился? — повторил мужчина по пути к машине.

Эйлиш снова не ответила, и он сделал вид, будто собирается вернуться.

— Ждите меня в августе или в конце июля. Это будет наша последняя встреча, Эйлиш.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросила она.

— У вашего мужа длинный язык. Вот откуда. Он все рассказал про вас моей жене.

Будь он итальянцем или американцем, Эйлиш засомневалась бы в реальности его угрозы. Он производил впечатление человека, которому нравится звучание собственного голоса. Но было в нем и еще кое-что: упрямство, своеобразная прямота. Она навидалась подобного в Ирландии. Узнай такой муж, что жена ему неверна и беременна от другого, он ни за что на свете не оставит в доме чужого ребенка.

Впрочем, в Ирландии не так-то просто отдать новорожденного в другую семью. Кто-нибудь непременно этому помешал бы. Священник, врач или полицейский заставил бы отца забрать ребенка. Но здесь, в глухом переулке, мужчина может оставить дитя на пороге ее дома и никто не заметит. Ему ничего не стоит так поступить. Его тон, то, как он сжимал челюсть, решимость во взгляде убеждали Эйлиш, что мужчина не шутит.

Когда он уехал, она вернулась в гостиную, села и закрыла глаза. Выходит, где-то по соседству живет женщина, которая носит ребенка Тони. Неизвестно с чего, Эйлиш решила, что она тоже ирландка. Вероятно, только с ирландской женой сегодняшний гость мог так обращаться. Любая другая либо сумела бы за себя постоять, либо ушла бы от мужа. Видение женщины с ребенком, пришедшей просить защиты у Тони,

Часть первая

внезапно испугало ее больше, чем мысль о младенце на пороге. Но и без того ситуация складывалась тревожная, а когда Эйлиш представила ее в подробностях, ее замутило. А если младенец заплачет? Придется ли ей взять его на руки? И если да, что делать дальше?

Она встала, пересела на другой стул, и мужчина, недавно стоявший на ее пороге, — настоящий, живой, внушительный — представился ей героем книги или телепередачи. Такого просто не может быть: только что дом был тих и безмятежен — секунду спустя появился неожиданный гость.

Будь у нее хоть кто-нибудь, с кем можно было бы поделиться своей бедой, Эйлиш знала бы, что чувствовать и что делать. Она представила старшую сестру Роуз, умершую более двадцати лет назад. Все свое детство с любой, даже мелкой бедой она шла к Роуз, которая тут же брала все под свой контроль. Эйлиш не была близка с матерью, к тому же та жила в Ирландии и в ее доме не было телефона. Обе невестки, Лена и Клара, были итальянками и дружили, но не с Эйлиш, а между собой.

Телефон стоял в коридоре. Был бы у нее хоть один номер, по которому можно позвонить, хоть один друг, которому можно довериться, рассказать о сцене, разыгравшейся у ее порога! Не то чтобы этот человек, опиши она его кому-нибудь, стал от этого более реальным. В его реальности Эйлиш не сомневалась.

Она сняла трубку, словно и впрямь собиралась звонить. Послушала гудок, положила труб-

ку, снова сняла. Должен же быть номер, который она может набрать! Поднеся трубку к уху, она поняла, что такого номера нет.

Знал ли Тони, что этот мужчина придет? Обдумывая поведение мужа за предыдущие две недели, Эйлиш не находила в нем ничего необычного.

Она поднялась в спальню и оглядела ее, словно чужую. Подняла с пола брошенную Тони пижаму, размышляя, обязана ли теперь ее стирать. Впрочем, какая разница, это ничего не изменит. Может быть, сказать ему, чтобы убирался к матери, пока она соберется с мыслями?

А если это недоразумение? Не слишком ли она поспешила поверить в самое худшее о мужчине, с которым прожила более двадцати лет?

Войдя в комнату Ларри, Эйлиш посмотрела на крупномасштабную карту Неаполя, которую сын пришил к стене. Ларри настаивал, что родом оттуда, хотя мать и пыталась ему объяснить, что он наполовину ирландец, его отец родился в Америке, и даже дедушка с бабушкой не городские, а происходят из деревни к югу от Неаполя.

— Они приплыли в Америку из Неаполя, — сказал Ларри. — Хочешь, сама спроси.

— А я из Ливерпуля, но это не значит, что я оттуда родом.

В течение нескольких недель, пока сын работал над школьным проектом о родном городе, кропотливостью и усидчивостью он напоминал сестру. Однако, закончив проект, снова стал самим собой.

Часть первая

В свои шестнадцать Ларри успел перерастить Тони, черноглазый, гораздо смуглее отца и дядьев. Он унаследовал от них манеру требовать, чтобы к его мнению прислушивались, посмеиваясь над потугами матери и сестры доказать, что с ними тоже следует считаться.

— Я хочу приходить домой, — часто говорил Тони, — приводить себя в порядок, выпивать пиво и задирать ноги повыше.

— И я, — вторил ему Ларри.

— Я часто спрашиваю Господа, — замечала Эйлиш, — что еще я могу сделать, чтобы облегчить жизнь мужу и сыну?

— Меньше разговоров и больше телевизора, — отвечал Ларри.

Другие подростки, жившие в тупичке, где стояли дома братьев Тони, Энцо и Мауро, вели себя скованнее, чем Розелла и Ларри. Розелле нравилось спорить, приводя факты, выискивая недостатки в аргументации другой стороны. Ларри любил все обращать в шутку. Против воли Эйлиш всегда оказывалась на стороне Розеллы, тогда как Тони порой начинал смеяться над абсурдными замечаниями сына раньше самого Ларри.

— Я простой сантехник, — говорил Тони. — Обо мне вспоминают только тогда, когда обнаружат протечку. В одном я уверен — ни один сантехник не доберется до Белого дома, разве что там потекут трубы.

— Но в Белом доме постоянные утечки, — замечал Ларри.

— Надо же, — язвила Розелла, — а ты у нас, оказывается, политикой интересуешься!

— Если бы Ларри дал себе труд заниматься, — говорила Эйлиш, — он бы вас всех удивил.

Эйлиш слышала, как вернулась Розелла. Неужели их привычному легкому подтруниванию за столом больше не бывать? Если тот мужчина не мошенник, большой главе ее жизни пришел конец. Ей хотелось, чтобы, узнав о беременности жены, он принял другое решение, не касающееся их с Тони, но она понимала, каким тщетным и отчаянным было это желание. Она не могла запретить ему постучаться в ее дверь просто потому, что ей этого хочется.

Каждый вечер за ужином Тони подробно расписывал клиентов и их дома, рассказывая, какую грязь те разводят рядом с раковиной и унитазом. И если порой Эйлиш приходилось его останавливать, то потому лишь, что Тони заставлял Розеллу и Ларри покатываться от смеха во время еды.

— Но этим папа зарабатывает на хлеб, — говорил Ларри.

— Видели бы вы, что они там развели, — снова заводил свое Тони.

В будущем, подумала Эйлиш, ей придется присматривать за Тони, если она хочет понимать, что он скрывает.

Ответив на приветствие Розеллы, Эйлиш вернулась в спальню и закрыла за собой дверь. Она пыталась вообразить реакцию дочери и сына

Часть первая

на известие о том, что чужая женщина ждет ребенка от Тони. Ей казалось, что Ларри, несмотря на внешнюю развязность, невинен и ему будет нелегко осознать, что отец занимался сексом с женщиной, в доме которой чинил трубы. Розелла читала романы и обсуждала с дядей Фрэнком, младшим из братьев Тони, самые громкие и зловещие судебные дела. Если муж душил жену, а потом рубил ее на куски, Фрэнк, который был адвокатом и единственный из братьев окончил колледж, узнав леденящие душу подробности, делился ими с племянницей. Вероятно, известие, что у отца была связь с другой женщиной, не шокирует Розеллу, хотя кто его знает.

Странно, подумала Эйлиш, а ведь Тони гораздо стеснительнее, чем она. Муж смущался, когда по телевизору слишком долго и страстно целовались. Он и его братья пихали друг друга локтями за столом, намекая на неприличные шутки, но дальше дело не шло. Они никогда не рассказывали анекдотов. Эйлиш нравилась старомодность Тони. Она вспомнила, как он вспыхивал, когда она заводила разговор о том, что им надо предохраняться. В конце концов, подслушав разговор невесток, которые с легкостью обходили церковные установления, она просто положила упаковку презервативов на прикроватную тумбочку Тони.

Заметив упаковку, он улыбнулся и открыл ее, словно не знал, что внутри.

— Это для меня? — спросил он.

— Для нас обоих, — ответила она.

Если бы он использовал один из этих презервативов несколько месяцев назад, подумала Эйлиш, то уберег бы их семью от множества бед.

Она присела на край кровати. Как она расскажет Тони о том, что приходил тот мужчина? Где бы спрятаться, где бы найти место, в котором не надо думать о происшедшем!

Пристроенная к дому комната, где раньше работала Эйлиш, теперь служила Розелле и Ларри для занятий, хотя Ларри редко туда заходил.

— Хочешь, заварю тебе чай или сделаю кофе, — предложила Эйлиш, обнаружив там дочь.

— Ты заваривала чай вчера, — ответила Розелла. — Сегодня моя очередь.

Розелла росла уравновешенной, неулыбчивой и молчаливой, чем разительно отличалась от двоюродных сестер. Те по любому поводу заливались смехом или вытаращивали глазки, Розелла в это время смотрела на мать в надежде, что семейные посиделки кончатся и ее отведут в тишину родного дома. Когда Тони и Ларри злили ее, соперничая в подражании радиокомментаторам бейсбольных матчей, Розелла удалялась в свой кабинет, как его называла. Она даже уговорила Тони навесить на дверь замок, чтобы Ларри не врывался, когда она пытается сосредоточиться.

Порой на Эйлиш давило слишком тесное соседство с родителями Тони и семьями его

Часть первая

братьев. Их дома почти заглядывали в ее окна. Если ей случалось выйти из дома, кто-нибудь из невесток или свекровь обязательно спрашивали, куда она ходила и зачем. Они часто обвиняли ее в стремлении обособиться, считая это свойством ее ирландской натуры. Но Розелла внешне походила на итальянку, и женщины недоумевали, откуда у девочки такая серьезность, как будто не видели, что ее манера держаться унаследована от матери. Розелла старалась не выделяться на общем фоне. Прислушивалась к разговорам тетя и двоюродных сестер, обсуждала новые фасоны и прически, но в глубине души модой не интересовалась. Эйлиш понимала, что не будь Розелла так хороша собой, женщины сочли бы ее чудачкой и синим чулком.

— Грация и красота, — рассуждала бабушка, — достались Розелле от моих матери и тетки. Нашему поколению красоты не перепало — видит Бог, я ничего такого не унаследовала, — но в Америке наша красота расцвела. Розелле следовало родиться раньше. Женщины нашего рода славились не только красотой, но и мозгами. А тетя Джузеппина была настолько умна, что чуть старой девой не осталась.

— Это было бы умно? — спросила Розелла.

— Каждому свое, но стремиться к такому не стоит. Тебе, впрочем, волноваться не о чем. Когда придет твое время, ты будешь нарасхват.

Дважды в неделю между школой и ужином Розелла отправлялась навестить бабушку, и они по часу беседовали наедине.

Лонг-Айленд

— О чем вы говорите? — спрашивала Эй-лиш.

— О воссоединении Италии, — отвечала дочь.

— Не верю.

— Знаешь, из трех невесток ты у нее самая любимая.

— Наоборот, нелюбимая!

— Сегодня она попросила меня помолиться с ней вместе.

— О чем?

— О том, чтобы дядя Фрэнк нашел хорошую жену.

— Жену-итальянку?

— Любую. Она говорит, что с его умом, доходом, привилегиями и квартирой на Манхэттене женщины должны преследовать его на улицах. Думаю, ей все равно, будет ли она итальянкой. Ты же знаешь, кого встретил наш папа, сходяв однажды на ирландскую вечеринку.

— Разве ты не предпочла бы мать-итальянку? Разве это не упростило бы тебе жизнь?

— Меня моя жизнь устраивает.

Эйлиш просматривала книги на столе Розеллы, и внезапно ей пришло в голову, насколько жизнь, которую дочь считает естественной, зависит от отца и двух его женатых братьев, которые трудились вместе, трудились так прилежно, что им доверяли и рекомендовали их знакомым. Слухами земля полнится. Братья получали заказы далеко за пределами города,

Часть первая

и все равно мирок их клиентов казался тесным, почти дружеским. Очень скоро кто-нибудь узнает, что Тони обрюхатил женщину, в чьем доме работал. Новость распространится так быстро, как если бы они жили в глухой деревне.

До сих пор ей удавалось гнать от себя мысли о Тони в рабочей одежде в доме той женщины. Теперь Эйлиш ясно видела, как, подлатав трубу, он встает с колен и замечает благодарный взгляд хозяйки. Она представила себе застенчивость Тони. Как он мнетя у двери. Неловкое молчание.

— У тебя проблемы на работе? — спросила Розелла.

— Нет, никаких, — ответила Эйлиш.

— Мне показалось, тебя что-то смутило. Прямо сейчас.

— Все хорошо. Просто работы много.

Затем пришел Ларри, чмокнул ее в щеку и показал на свои ноги.

— У меня идеально чистые ботинки, но я все равно оставил их за дверью. Мне нужно послушать радио. Если меня будут спрашивать, я в своей комнате.

Тони появился позже и, как обычно, сразу поднялся на второй этаж, чтобы принять душ и переодеться, прежде чем разыскать дочь — заведенный ритуал с тех пор, как Розелла была малышкой. Часто, если ей удавалось подслушать их разговор, Эйлиш узнавала что-то новое, что-то сказанное свекровью, новости про братьев Тони, которыми тот делился с дочерью.